

Часть первая

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД

Глава 1 ЛИЛИ

Сентябрь 2000 года

— Нервничаешь? — спросил Эд, насыпая в тарелки наши любимые рисовые «Криспис».

Обычно я ем их с удовольствием — без молока, хрустящими (ребенком я любовалась маленькими эльфами на пачке, и чары до сих пор не развеялись). Но сегодня у меня что-то нет аппетита.

— Нервничаю? — с нажимом переспросила я, застегивая жемчужные сережки перед маленьким зеркалом над раковиной. Квартирка у нас тесная, приходится искать компромиссы.

Я едва не добавила: «Отчего бы это?» Из-за первого дня семейной жизни (в новое тысячелетие — в новом статусе)? Или потому, что надо было тщательнее выбирать квартиру, а не соглашаться на эту, в захудалом районе Клэпхема, где сосед напротив пьяница, а комнатки настолько тесные, что моя тональная основа «Риммель» (мягкий бежевый) и два тюбика губной помады (бледно-розовой и рубиново-красной) соседствуют с чайными ложками в ящике для столовых приборов?

Или оттого, что сегодня я возвращаюсь на работу после медового месяца в Италии? Неделя на Сици-

лии — бутылки марсалы, жаренные на гриле сардины и вдоволь сыра пекорино (отель оплатила бабушка Эда).

Или я нервничаю из-за всего сразу?

Вообще-то, я люблю свою работу. До недавнего времени я специализировалась на трудовом законодательстве: помогала незаконно уволенным, особенно женщинам, защищала жертв несправедливости. Это мое. Я собиралась стать социальным работником, как отец, но благодаря энтузиазму преподавателя профориентации в школе и, скажем так, ряду событий в собственной жизни оказалась в этой сфере. Новоиспеченный юрист двадцати пяти лет от роду на минимальном окладе, сражающийся с пуговицей на поясе темно-синей юбки. В нашем бюро ярко одеваются только секретарши. Нарядный адвокат — это неправильный посыл. Так мне объяснили, когда я только начинала работать. В юриспруденции можно сделать блестящую карьеру, но кое в чем она немислимо консервативна.

— Мы переводим вас на уголовные дела, — сообщил мне начальник (видимо, в качестве свадебного подарка). — Мы считаем, что вы справитесь.

И сейчас, в первый рабочий день после медового месяца, я собираюсь в тюрьму. У меня свидание с человеком, который отбывает срок за убийство. Я никогда не была в тюрьме — и никогда не хотела там побывать. Это чуждый мне мир. Тюрьма для тех, кто совершил противоправные деяния, а я сразу возвращаю даже лишнюю сдачу за «Космополитен».

Эд что-то выводит в альбоме, чуть склонив голову влево, делает наброски, положив альбом рядом с тарелкой хлопьев. Мой муж всегда рисует. Этим он меня и привлек.

— В рекламе, — сказал он, уныло пожав плечами, когда я спросила, где он работает. — В креативном от-

деле. Когда-нибудь я стану настоящим художником, а это так, халтурка, чтобы оплачивать счета.

Мне импонируют люди с четкой целью в жизни, но дело в том, что, когда Эд рисует, он забывает даже, на какой он планете. Вот и сейчас он забыл, что задал мне вопрос. Мне вдруг стало важно на него ответить.

— Нервничаю? Нисколько.

Эд кивнул, но я не уверена, что он меня слышал. Когда на него накатывает вдохновение, до остального ему дела нет. Даже до моего очевидного вранья.

Отчего бы, думала я, тронув мужа за левую руку с новеньким обручальным кольцом, не сказать ему правды? Отчего не поделиться с близким человеком, что мне дурно от страха и все время хочется в туалет, хотя я только что там была? Неужели лучше притворяться, что наша неделя вдали от всего мира еще не закончилась, несмотря на сувениры вроде красивого голубого с розовым блюда, которое Эд сейчас подробно срисовывает?

Или это оттого, что я отчаянно храбрюсь перед сегодняшней встречей? По моей спине пробежал холодок, когда я брызнула на запястья купленными в дьюти-фри «Шанель № 5» (подарок Эда, на который он потратил один из своих дорожных чеков). В прошлом месяце адвокат из конкурирующей фирмы получил несколько ножевых ранений в грудь (были задеты оба легких) во время встречи с клиентом в Уондсуэрте. Всякое бывает.

— Давай быстрее, — сказала я. От волнения мой голос прозвучал резче обычного. — Мы так оба опоздаем.

Эд нехотя поднялся с расшатанного стула, оставшегося от прежних жильцов. Мой новоиспеченный супруг долговяз, тощ и ходит, точно извиняясь, будто на самом деле предпочел бы находиться в другом месте. В детстве волосы у него были золотистые, как у меня

(«Как только мы тебя увидели, сразу поняли: у нас родилась Лили», — любит повторять мама), но с возрастом потемнели и стали рыжеватыми. А еще у него толстые пальцы, совсем не похожие на пальцы великого художника, которым он мечтает стать.

Каждому нужно мечтать. Девушкам с именем Лили полагается быть красивыми и стройными. Если смотреть сверху, то я вполне соответствую — благодаря светлым от природы волосам и, как великодушно говорила покойная бабушка, «элегантной лебединой шее». Но ниже вместо стройного «стебля» — детская пухлость. Что бы я ни делала, размер одежды у меня в лучшем случае остается шестнадцатым*. Я знаю, что на этом не надо заикливаться. Эд говорит, я такая, какая есть. Он не хотел сказать ничего плохого (надеюсь), но эта полнота меня бесит. Всегда бесила.

Направляясь к двери, я мельком взглянула на стопку поздравительных открыток возле проигрывателя Эда. Мистер и миссис Эд Макдональд. Я не воспринимаю эту фамилию как свою. Миссис Эд Макдональд. Лили Макдональд.

Я долго старалась научиться красиво расписываться, пропуская «и» через «М», но моя новая подпись все равно недостаточно изящна — имя не сочетается с фамилией. Надеюсь, это не дурной знак.

На каждую открытку предстоит написать письмо с благодарностью и отправить до конца недели. Если мама чему-то меня научила, так это вежливости.

Одна из открыток была подписана особенно вычурно, экстравагантными вытянутыми загогулинами, да еще бирюзовой пастой.

* Соответствует 48–50-му российскому размеру.

— Давина раньше была моей девушкой, — объяснил Эд, прежде чем она заявила на нашу помолвку. — Но теперь мы просто друзья.

Я вспомнила Давину с ее лошадиным смехом и искусно уложенными темно-рыжими локонами, делавшими ее похожей на модели прерафаэлитов. Давина, организатор мероприятий из «Ивентс», куда ходят все «приличные девушки». Давина, которая при знакомстве чуть прищурила свои фиалковые глаза, словно гадая, зачем Эд связался с этой толстой дылдой с взъерошенными волосами, которую я вижу в зеркале каждый день.

Могут ли мужчина и женщина остаться просто друзьями, если отношения закончились? Письмо своей предшественницы я решила оставить напоследок. Эд женился на мне, а не на ней, напомнила я себе.

Теплая рука мужа стиснула мою, будто он чувствовал: мне нужна поддержка.

— Все будет хорошо, вот увидишь.

Мне показалось, что он говорит о нашем браке, и лишь через секунду я поняла — речь о моем дебюте в уголовном праве. О Джо Томасе.

— Спасибо.

Я была благодарна Эду за то, что его не обманула моя бравада. Но при этом мне почему-то стало неуютно.

Мы вместе закрыли дверь и дважды подергали за ручку, потому что для нас все это было ново и непривычно, и быстро пошли по коридору к выходу. Открылась соседняя дверь, и в коридор вместе со своей мамой вышла маленькая девочка с блестящими темными волосами, собранными в длинный хвост. Я их уже видела, но на мое «здравствуйте» соседки не отвечали. Мать и дочь имели оливково-смуглую кожу и двигались плавно и грациозно, будто плыли.

Выйдя из подъезда в холодное осеннее утро, мы вчетвером направились в одну сторону, но мать с доч-

кой оказались впереди, потому что Эд что-то рисовал на ходу. Соседки казались копиями друг друга, с той лишь разницей, что на мамаше была чересчур короткая черная юбка, а девочка, которая из-за чего-то капризничала, была одета в темно-синюю школьную форму. «Когда у нас с Эдом будут дети, — подумала я, — мы научим их не ныть на улице».

Я совсем продрогла, когда мы подошли к остановке: бледное осеннее солнце очень отличалось от зноя медового месяца, но еще больше меня удручала мысль, что сейчас нам придется расстаться. После проведенной вдвоем недели перспектива на восемь часов остаться без мужа пугала.

Были причины для расстройства. Совсем недавно я казалась независимой и вполне довольствовалась собственным обществом, но с той минуты, как Эд заговорил со мной на вечеринке (всего полгода назад!), я чувствовала себя сильнее — и одновременно уязвимее.

Мы молчали. Я собиралась с духом перед неизбежным. Мой автобус идет в одну сторону, его — в другую. Эд направляется в рекламную фирму, где целыми днями придумывает слоганы, чтобы заставить людей покупать ненужные вещи. А я еду в тюрьму — в своем темно-синем костюме и со своим загаром.

— Страх будет только до входа, — сказал муж (я была уверена, что мне никогда в жизни не придется произнести это слово!) и поцеловал меня в губы. Поцелуй оставил вкус рисовых хлопьев и терпкой зубной пасты, к которой я никак не привыкну. — Как войдешь, так сразу и пройдет.

— Я знаю, — ответила я.

Эд побрел на остановку напротив, не отрывая взгляда от дуба на углу: глаз художника зорко подмечал оттенки и форму.

Две лжи. Две маленькие невинные лжи, чтобы утешить друг друга. Большая ложь начинается с пустяка, из лучших побуждений. А потом она разрастается и выходит из-под контроля.

Глава 2

КАРЛА

— Ну почему? — ныла Карла, повисая на маминой руке в попытке остановить неотвратимое приближение к школе. — Почему мне обязательно нужно туда идти?

Если как следует покапризничать, мать может сдаться, — так уже было на прошлой неделе. Правда, тогда были ее именины, и мать была мягче обычного: дни рождения, именины, Рождество и Пасха всегда трогали ее до глубины души.

— Как летит время! — причитала тогда мать со своим сильным, густым акцентом, так отличавшим ее от других матерей. — Девять с половиной лет без твоего отца! Девять долгих лет!

Карла, сколько себя помнила, знала, что папа в раю, с ангелами, потому что нарушил обещание, когда она родилась. Однажды Карла спросила, какое это было обещание.

— Такое, которое, раз нарушив, обратно не вернешь, — фыркнула мама.

Как та красивая голубая чашка с позолоченной ручкой, подумала Карла, которую она уронила неделю назад, вызвавшись вытирать вымытую посуду. Мама плакала, потому что чашка была из Италии.

Жаль, что папа с ангелами. Но зато у нее есть мама! Однажды дядя в автобусе принял их за сестер, чем насмешил маму.

— Он мне просто льстил, — сказала она, покраснев, но вечером разрешила Карле дольше не ложиться спать. И Карла усвоила: когда мама счастлива, у нее можно что-нибудь выпросить.

Просить можно и тогда, когда мама грустная. Вот как сейчас, в начале нового века, про который им рассказывали в школе.

Всю четверть Карла мечтала о пенале-гусенице из мягкого пушистого материала, как у всех в классе. Может, тогда ее перестанут дразнить. Отличаться плохо. Плохо быть меньше всех в классе («Пигалица!» — этого странного слова не было в детском словаре, который Карла уговорила маму купить в магазине подержанных вещей на углу улицы). Плохо иметь густые черные брови («Волосатая-полосатая!»). Плохо называться не похожими на другие именем и фамилией.

Карла Каволетти. Одноклассники дразнили ее Спаголетти. Волосатая Карла Спаголетти!

— Почему нельзя сегодня остаться дома? — ныла Карла, чуть не прибавив «у нас» — а не в том, итальянском, о котором мама постоянно говорила и которого она, Карла, никогда не видела.

Мама замедлила шаг, когда соседка с золотистыми волосами прошла мимо, неодобрительно глянув на них.

Карла знала этот взгляд — так смотрела учительница в школе, когда она не смогла рассказать таблицу умножения на девять.

— У меня с математикой тоже неважно, — пожимала плечами мама, если Карла просила помочь с домашним заданием. — Ничего, главное, не объедаться пирожными и не толстеть. Таким, как мы, достаточно быть красивыми.

Дядя с блестящей машиной и в большой коричневой шляпе всегда говорил маме, что она красивая. Когда он приходил в гости, мама не плакала. Она распускала свои

длинные вьющиеся волосы, душилась любимым «Яблоневым цветом», и ее карие глаза сверкали. Включался проигрыватель, и они вместе отбивали ритм носками туфель. Правда, Карле засиживаться не давали.

— Спать, *cara mia*^{*}, — певуче говорила мама, и девочка уходила в другую комнату, оставив маму и гостя постукивать ногами под музыку в маленькой гостиной под пристальными взглядами маминых родственников с фотографий. Часто их холодные лица снились Карле по ночам, и ее крики мешали танцам и сердили маму:

— Ты уже большая, чтобы бояться снов. Ты не должна беспокоить меня и Ларри.

Когда в школе задали сделать проект «Мои папа и мама», Карла, воодушевившись, пришла домой, но мама долго цокала языком, а потом разрыдалась, уронив голову на кухонный стол.

— Я должна что-нибудь принести на школьную выставку, — настаивала Карла. — Не могу же я одна ничего не принести!

Наконец мама сняла со стены фотографию мужчины с прямой осанкой, в белом воротничке и со строгим взглядом.

— Мы отправим к ним *нонно*, — сказала она так, будто в горле у нее застрял леденец.

Карла любила леденцы. Дядя с блестящей машиной часто приносил ей леденцы в белом бумажном пакете, но они прилипали к рукам, и Карле приходилось долго отмывать пятна.

Карла благоговейно взяла фотографию.

— Это мой дедушка?

Она и так знала ответ — мать говорила ей это много раз, но приятно лишний раз услышать, что у нее, как

* Дорогая моя (*ит.*). — Здесь и далее *примеч. пер.*

у всех, есть дедушка, хоть он и живет за много миль в горах Флоренции и не отвечает на письма.

Мама Карлы обернула фотографию в оранжевый с красным шелковый шарф, пахнущий нафталином. Карла бежала в школу, как на праздник.

— Это мой *нонно*, — гордо объявила она.

Но все только смеялись.

— Нонно, нонно, — передразнил один мальчишка. — А почему не дедушка, как у всех? И где твой отец?

Это было накануне ее именин, а на следующий день Карла убедила мать не ходить на работу, притворившись больной. Это был один из лучших дней в ее жизни: они с мамой устроили пикник в месте под названием Гайд-парк, и мама пела песни и рассказывала о своем детстве в Италии.

— Братья брали меня с собой купаться, — мечтательно говорила она. — Мы ловили рыбу на ужин, а потом пели, танцевали и пили вино.

Карла, пребывавшая наверху блаженства оттого, что не пошла в школу, накручивала на пальчик прядь маминных темных волос.

— А папа тоже с вами купался?

Карие мамыны глаза вдруг погрустнели.

— Нет, моя маленькая, не купался. — И она принялась убирать термос и сыр с красного клетчатого пледа на траве. — Пойдем, пора домой.

И это уже не был лучший день в жизни Карлы.

Сегодняшнее утро тоже не самое удачное. На первом уроке будет контрольная, предупредила учительница. Математика и правописание — самые ненавистные Карле предметы. Чем ближе они подходили к автобусной остановке, тем сильнее Карла тянула маму за руку.

— Росточком ты не вышла, — недавно сказал ей дядя с блестящей машиной, когда она отказалась рано ложиться спать, — зато упрямства на двоих хватит.

«А что, нельзя?» — чуть не огрызнулась Карла.

— Всегда будь вежлива с Ларри, — твердила мать. — Без него мы бы здесь пропали.

— Пожалуйста, давай останемся дома! Ну, пожалуйста! — заныла Карла.

Но мама ничего не желала слушать.

— Мне надо работать.

— Ну почему? Ларри поймет, если ты не пойдешь с ним обедать!

Обычно Карла не произносила имени гостя, предпочитая называть его дядей с блестящей машиной. Это означало, что он не член их семьи.

Мама резко повернулась, едва не налетев на столб. Мгновение она казалась почти взбешенной.

— Потому что, малышка, у меня еще осталась гордость. — Ее глаза сверкнули. — И потом, я люблю свою работу.

Мамина работа была очень важной: она делала из обыкновенных тетей красавиц. Мама работала в большом магазине, где продавали помаду, тушь для ресниц и специальные кремы, от которых кожа становится «прелестно смуглой», «томно бледной» или чем-то средним, смотря как нанести. Иногда мама приносила образцы домой и подкрашивала личико Карлы, так что девочка выглядела гораздо старше своего возраста. Это делалось ради красоты, чтобы однажды и Карла нашла себе дядю с блестящей машиной, который закружит ее в танце посреди гостиной.

Ларри мама нашла именно так. В тот день она работала за кассой в отделе парфюмерии, потому что кто-то заболел. Заболел — это хорошо, сказала мама, потому что тогда магазину требуется замена. Ларри пришел ку-

пить духи своей жене. Она тоже заболела. Мама оказывает его жене услугу, делая Ларри счастливым. Он и к Карле хорошо относится, вот леденцы ей приносит.

Но сейчас, когда они шли к автобусной остановке, где уже стояла соседка с золотистыми волосами (которая, по словам мамы, ела слишком много пирожных), Карле хотелось большего.

— А можно попросить у Ларри пенал-гусеницу?

— Нет, — мать сделала решительный жест изящной рукой с алыми ногтями, — нельзя.

Это несправедливо! Карла уже почти ощущала мягкости меха, мысленно поглаживая пенал. Она почти слышала, как гусеница говорит: «Я должна принадлежать тебе, Карла. Тогда все нас полюбят. Не бойся, ты что-нибудь придумаешь».

Глава 3

ЛИЛИ

До тюрьмы предстояло добираться автобусом от конечной станции линии Дистрикт*. Ее нежно-зеленый цвет на карте метро успокаивал — это не красная центральная линия, ломаная и кричащая об опасности. Станция Баркинг. Я напряженно рассматриваю платформу через стекло с полосками дождя, ища знакомые лица.

Но никого из них нет, только группы заспанных жителей пригородов, похожих на сморщенных ворон в плащах, и женщина, присматривающая за мальчиком в красивой красно-серой форме.

Когда-то и у меня была нормальная жизнь в Баркинге. Я до сих пор помню дом 50-х годов постройки,

* Линия метро, пересекающая лондонский регион с запада на восток.